Это был город, совершенно не похожий на его родные края. Лишь глядя на шумные, оживленные улицы вдали, он начинал чувствовать, что действительно прибыл в город Цзиньчэн.

На самом деле, когда дядя Чжао предложил показать ему город, он был полон ожиданий. Он хотел увидеть тот «рай», о котором всегда говорила мама. Если это место и правда так прекрасно, то он сможет её понять. Понять, почему она предпочла оставить его и уехать ради такой чудесной жизни.

Ань Лэ молча смотрел на поток машин, чьи огни мерцали вдали. Вид с маленького балкона на далекую эстакаду стал самым ярким его впечатлением о Цзиньчэне. Если это и есть тот город, о котором мечтала мама и в котором она во что бы то ни стало хотела остаться, то Ань Лэ этого не понимал.

Кладовка находилась прямо у входа. Раздался писк электронного замка. У порога послышался шум и галдеж компании парней.

Нервы Ань Лэ мгновенно натянулись, как струны! Шум голосов в одно мгновение вернул его в воспоминания о том заброшенном туалете на крыше. Он снова почувствовал, как съеживается на холодном полу, как грубые руки рвут его одежду, как падают удары, как живот упирается в деревянную палку, как грязная вода брызжет в лицо, и как звучит этот полный злобы смех…

Бам! Бам! Бам! Бам-бам-бам!

Чжао Чэн с нетерпением колотил в дверь кладовки. Он только собрался позвать, как дверь отворилась изнутри. Странно, но в этот раз деревенский увалень, как обычно называли его здесь, не уставился на него, а перевел взгляд на парней, стоявших за его спиной.

Друзья Чжао Чэна были одеты так же, как и он — в баскетбольную форму, на которой еще не высох пот. Они перебрасывались шутками, обнимали друг друга за плечи и даже не удостоили Ань Лэ взглядом.

Голос Ань Лэ прозвучал пугающе спокойно:

— Это всё твои друзья?

Чжао Чэн бросил на него мимолетный взгляд, не заботясь о том, какая будет реакция.

— Я привел друзей поужинать, иди готовь.

— Хорошо. Есть какие-то предпочтения в еде?

— Готовь как обычно, по моему вкусу.

Сказав это, Чжао Чэн вместе с шумной компанией прошел в гостиную и развалился на диване. Худощавый парень прислонился к подлокотнику кресла:

— Чэн-гэ, дай воды, а? Пить охота — сил нет.

Только он закончил фразу, как перед ним возник стакан воды. Парень удивленно посмотрел на Ань Лэ, а потом повернулся к Чжао Чэну:

— А твой приходящий помощник довольно расторопный. Где вы его откопали? Почему он выглядит почти как наш ровесник, а у меня дома работают только тетки в возрасте?

Услышав это, Ань Лэ непонимающе посмотрел на Чжао Чэна и увидел на его лице довольную ухмылку.

— Мои родители нашли его в деревне. Сказали, семья бедная, приехал на летние подработки.

— Нанимать родственника… это разве нормально?

Чжао Чэн пожал плечами:

— Кто знает? Он сам напросился, никак не выгнать. Жалко стало, вот и разрешили остаться.

Худощавый парень снова взглянул на Ань Лэ, но теперь в его взгляде, прежде полном любопытства, читалось лишь презрение.

Ань Лэ опустил уголки губ. Даже если ему было плевать на чужое мнение, эти оценивающие, пренебрежительные взгляды не позволяли ему сохранять улыбку. Раздав всем воду, он ушел на кухню готовить ужин.

Как и ожидалось, когда он закончил и поставил еду на стол, Чжао Чэн при всех приказал ему уходить. Ань Лэ стоял не двигаясь.

— Ты видел хоть одного помощника, который остается отдыхать в доме нанимателя после работы? Убирайся туда, откуда пришел, ясно?

— И как только у него совести хватает здесь околачиваться? Почему он так вцепился в дом Чэн-гэ?

Теперь Ань Лэ мог с полной уверенностью сказать: этот сводный брат его ненавидит. Но Ань Лэ

никак не мог взять в толк: даже если он не произвел хорошего впечатления в первый же день, это не повод для такой жгучей ненависти. Не раздумывая, под насмешки собравшихся, Ань Лэ вышел из квартиры.

Идти было некуда. Он обошел весь жилой комплекс и, наконец, присел на деревянную скамейку у дороги, наблюдая за детьми, которые играли неподалеку. Глядя на них, Ань Лэ вспомнил площадь, куда его водил дядя Чжао. Тогда там почти никого не было, но дядя обещал, что вечером будет очень оживленно.

Следуя воспоминаниям, он добрался до той самой площади. Еще издалека он услышал шум толпы и увидел яркие огни. Здесь действительно было полно людей. Ань Лэ никогда раньше не видел ничего подобного. Он поднял голову, разглядывая украшенные иллюминацией небоскребы и торговые центры, в которых отражались яркие всполохи света.

Гудки… Гудки…

— Дедушка, это я.

— Сяо Лэ! Как прошел день? Что там за шум? Кажется, ты в каком-то очень людном месте.

— Да, я на большой площади, вокруг полно народу, очень весело.

— Так поздно, и людей столько… Не опасно ли там? Будь осторожен.

— Нет, что ты. Вокруг столько фонарей, что даже небо кажется светлым.

— Светлым, как днем? Разве такое бывает? В молодости я бывал в городе Цзиньчэн, не припомню там такого.

— Дедушка, это правда. Цзиньчэн очень изменился.

— Хорошо-хорошо, верю. Лишь бы ты был в безопасности и в добром здравии. Но все же не засиживайся допоздна. Твоя мама и дядя Чжао рядом с тобой?

Ань Лэ опустил голову, имитируя спешку:

— Дедушка, мне пора, тут выступление начинается, если опоздаю, хорошего места не займу!

— Ладно-ладно, беги.

Ань Лэ пробыл на площади долго, пока торговые центры не стали закрываться, толпа редеть, а

огромные светодиодные экраны — гаснуть.

Когда он вернулся домой под покровом ночи, парней уже не было. На столе остались объедки, а в гостиной царил полный хаос. Ань Лэ вздохнул и принялся за уборку. Чжао Чэн будто исчез — он так и не вышел из своей комнаты. Если бы не слабый свет, пробивавшийся из-под двери его спальни после того, как Ань Лэ погасил лампу в зале, он бы подумал, что Чжао Чэн тоже ушел.

На следующий день Ань Лэ, наученный горьким опытом, с самого раннего утра приготовил завтрак и остался ждать в гостиной. Так он точно знал, если Чжао Чэн решит внезапно уйти.

Когда Чжао Чэн вышел из спальни в своей баскетбольной форме, он, не глядя на Ань Лэ, направился прямо к выходу.

— Ты уже уходишь? Я приготовил завтрак.

Чжао Чэн прошел мимо, не удостоив его ответом.

— А в обед вернешься? Мне готовить? Или вечером? Ты будешь ужинать дома?

В ответ прозвучал оглушительный хлопок закрывшейся двери! Ань Лэ безмолвно застыл.

К вечеру он снова услышал шум у двери. Чжао Чэн привел ту же компанию. Ань Лэ приготовил им ужин, был выгнан прочь и до полуночи ждал на улице, чтобы потом вернуться и убрать беспорядок.

Так продолжалось несколько дней подряд. Каждый раз Чжао Чэн с друзьями насмехался над ним, надеясь, что Ань Лэ не выдержит и уйдет, но тот даже не показывал, что злится. Напротив, пока Чжао Чэна не было дома, Ань Лэ наслаждался тишиной и покоем.

Ань Лэ не обращал внимания на мелкие пакости Чжао Чэна, пока однажды тот, к великому удивлению, не позвал его с собой.

— Некому подавать нам воду, иди помоги.

Ань Лэ, как обычно, надел свою куртку и пошел за Чжао Чэном на баскетбольную площадку, где уже собралось много молодежи. Со стороны казалось, что только он один здесь лишний. Он сел на ступени в стороне, наблюдая за игрой и слушая крики радости или досады.

Июльское солнце палило так нещадно, что у Ань Лэ слезились глаза.

Раздался свист воздуха!

Ань Лэ инстинктивно увернулся, но мяч всё же задел лицо. Бросавший намеренно целился ему в голову. Ушибленное место горело, лицо начало распухать.

— А ты ловкий!

— Чэн-гэ, может, позовем его сыграть с нами пару партий?

— Его? Забудь. По нему видно, что он играть не умеет.

— Ну так научим.

Ань Лэ зазвали на площадку. Толпа парней окружила его, в их глазах читалась наглая самоуверенность.

В спину внезапно ударил баскетбольный мяч! Ань Лэ пошатнулся и сделал несколько шагов вперед.

— Смотри за спиной! В баскетболе главное — видеть поле целиком!

Он обернулся, пытаясь разглядеть, кто ударил, и тут же получил мячом в плечо!

— Не только назад смотри! Ушами слушай, откуда летит мяч!

Он инстинктивно прикрыл плечи и голову руками, но тут получил сильный удар в бедро! Он стоял в центре, а окружившие его люди перебрасывали мяч, который раз за разом врезался в его тело. Они не били в жизненно важные места, нет — просто было очень, очень больно.

Ань Лэ вдруг понял, какой он дурак. Он же прекрасно знал, что они его ненавидят. Но… а вдруг?

Ань Лэ вернулся домой, превозмогая боль, чтобы приготовить ужин для этой компании. Сначала он зашел на рынок. Чжао Чэн и его друзья ели много после тренировок, и денег, оставленных дядей Чжао на продукты, почти не осталось.

Купив еду, он заглянул в круглосуточный магазинчик за парой упаковок молока с истекающим сроком годности, а затем взял в супермаркете недозрелых бананов.

Когда компания вернулась, Ань Лэ был занят готовкой, но, заслышав шум, отставил дела и вынес заранее приготовленный банановый смузи. Парни обычно не жаловали такие напитки,

но Ань Лэ сделал их холодными, и каждый из них всё же взял по стакану.

Они ожидали, что Ань Лэ будет злиться после того, как его побили, и по крайней мере планировали, что сегодня никто не приготовит им ужин. Кто бы мог подумать, что он не только приготовит еду, но еще и охладит напитки.

— Чэн-гэ, а твой помощник… — парень указал пальцем на свою голову, — с мозгами-то дружит?

— Да он просто бесстыжий! Как его ни бей, как ни ругай — всё равно не уходит, лезет в мой дом! Бесит ужасно!

http://bllate.org/book/36498/4535194